

Ф.Д. Кудеевский

**Труды студентов
миссионерского
противомусульманского
отделения при Казанской
Духовной Академии**

Выпуск 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Ф11

Ф.Д. Кудеевский
Ф11 Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской Духовной Академии: Выпуск 6 / Ф.Д. Кудеевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 245 с.

ISBN 978-5-458-17233-2

Главные мысли и дух Корана. Сочинение студента Казанской Духовной Академии 7 учебного курса (1854-1858г.) Феодора Кудеевского.

ISBN 978-5-458-17233-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II.

1) КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АВТОРА КОРАНА

Абу-ль-Касимъ-Мухаммедъ-ибнъ - Абдулла - ибнъ-Абду-ль Мутталибъ, *авторъ Корана*, родился въ 571 г. по Р. Х. ⁽¹⁾, въ главномъ городѣ Хиджаза,—въ Мекке Родители его принадлежали къ племени Курейшъ, фамиліи Гашимъ. Въ то время Аравія представляла жалкую картину въ религіозномъ отношеніи. Въ самомъ Хиджазѣ господствующею религіей было язычество, а вмѣстѣ съ нимъ существовали сабеизмъ, религія персидскихъ маговъ и наконецъ іудейство и христіанство. Меккская языческая святыня—Кааба была настоящимъ пантеономъ. Въ ней, или около нея, были собраны идолы всѣхъ арабскихъ племенъ и изображенія древнихъ патріарховъ, напр., Авраама, Измаила; также изображенія Иисуса Христа и Пресвятой Дѣвы Маріи имѣли мѣсто около Каабы. Всѣхъ идоловъ въ Каабѣ и около нея было до 360, по одному на каждый день года. Іудейство и христіанство проникли въ Хиджазъ изъ другихъ провинцій Аравіи. Іудеи наполнили собою арабскія провинціи особенно послѣ разрушенія Іерусалима римлянами. Отдѣленные отъ другихъ своихъ собратьевъ, арабскіе іудеи были совершенно забыты ими и далеко отстали отъ нихъ въ образованіи. Волновавшіе

⁽¹⁾ Именно, въ понедѣльникъ, 20 апрѣля, по вычисленію Шпренгера, *Das Leben und die Lehre des Mohammad*. Berlin. 1861. В. 1. S. 138. Примѣч. Ред.

Восточную Церковь еретики, преслѣдуемые въ Византійской Имперіи, также находили себѣ вѣрное и безопасное убѣжище въ Аравіи, по своимъ необозримымъ пустынямъ недоступной для преслѣдованій чужеземцевъ. Arabia haereseon fegaх, замѣтилъ еще въ III вѣкѣ Бериллъ, одинъ изъ епископовъ Босрскихъ. Въ VI вѣкѣ мы находимъ здѣсь послѣдователей разныхъ іудейскихъ толковъ ⁽¹⁾ и христіанскихъ еретиковъ съ самыми разнообразными направленіями и стремленіями⁽²⁾. Аравія представляла самое лучшее убѣжище для еретиковъ; ихъ мнѣнія и ученія, какія-бы они ни были и къ чему-бы ни вели, пользовались здѣсь полною свободою. Неудивительно послѣ того, что во времена Мухаммеда между арабскими христіанами и іудеями ходило много религіозныхъ мнѣній самыхъ разнообразныхъ и странныхъ, много заблужденій вовсе непримиримыхъ съ здравымъ смысломъ. Неудивительно также, что, при неизбѣжномъ столкновеніи здѣсь разныхъ толковъ и сектъ, между послѣдователями ихъ были непрестанныя распри и споры, шла постоянная и неутомимая вражда. Христіанскіе сектанты враждовали съ іудеями, осыпали ихъ упреками и обвиненіями, какъ людей заблуждавшихъ и отверженныхъ; въ свою очередь и іудеи не скупились въ отношеніи къ христіанамъ на различныя обвиненія и упреки ⁽³⁾. Не въ лучшихъ отношеніяхъ тѣже сектанты находились при взаимныхъ столкновеніяхъ и между собою: взаимнымъ обличеніямъ и насмѣшкамъ, упрекамъ и обвиненіямъ не было конца. Каждый толкъ считалъ и выдавалъ за истину одни лишь свои вѣрованія, а всѣ другія порицалъ и отвергалъ, какъ неправыя и ложныя; въ своихъ лишь послѣдователяхъ видѣлъ истинныхъ послѣдователей

⁽¹⁾ Ср. Коранъ, гл. 5, ст. 69.

⁽²⁾ Ср. Коранъ, гл. 6, ст. 60; гл. 19, ст. 30; гл. 23, ст. 55; гл. 42, ст. 13; гл. 43, ст. 65.

⁽³⁾ Тамже, гл. 2, ст. 107; гл. 9, ст. 30.

Евангелія, а на послѣдователей другихъ толковъ смотрѣлъ какъ на еретиковъ, искажающихъ и оскверняющихъ божественную вѣру ⁽¹⁾. Такое положеніе религіи въ Аравіи имѣло большое вліяніе на Мухаммеда, расположеннаго къ религіозной мечтательности.

Обладая болѣзненно-впечатлительною натурой, Мухаммедъ сильно и глубоко поражался встрѣчающимися предметами; онъ долженъ былъ остановить свое вниманіе и на идолахъ, окружавшихъ Каабу. Ежегодное стеченіе въ Меккѣ богомольцевъ съ различными религіозными воззрѣніями, — богомольцевъ, издавна приходившихъ въ Мекку на поклоненіе Каабѣ въ мѣсяцѣ Дзу-ль-Хаджа, — доставляло Мухаммеду возможность узнать смыслъ и значеніе разныхъ религіозныхъ учений и обрядовъ. Но особенно своимъ знакомствомъ съ бывшими и существующими религіозными системами онъ былъ обязанъ своимъ торговымъ поѣздкамъ въ Еменъ, Сирію ⁽²⁾ и на ближайшія ярмарки, которыя для народовъ, чуждыхъ правильной гражданской жизни, служатъ главнымъ и едва ли не единственнымъ средствомъ обмѣна идей и пріобрѣтенія обширныхъ свѣдѣній. Воспримчивая и обширная память служила ему надежнымъ средствомъ сохранять все слышанное; живая и пламенная фантазія возбуждала къ самодѣятельности его пытливый разумъ, неудовлетворенный, или лучше, раздраженный хаотическимъ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій въ Аравіи. Сравненіе хотя и испорченнаго ученія іудеевъ и христіанскихъ сектантовъ съ древними меккскими преданіями расположило Мухаммеда не въ пользу послѣднихъ; оно привело его къ сознанію грубости и гнустности языческаго суевѣрія сво-

⁽¹⁾ Ср. Коранъ, гл. 2, ст. 254; гл. 5, ст. 16—17.

⁽²⁾ Еще прадѣлъ Мухаммеда, Гашимъ, для обезпеченія часто страдавшей отъ голода Мекки, лежащей среди пустыни, учредилъ два ежегодныхъ правильныхъ караванныхъ поѣзда: одинъ зимой, на югъ Аравіи — въ Еменъ, а другой лѣтомъ, на сѣверъ — въ Сирію. Объ этомъ благотѣльномъ учрежденіи говоритъ 106 гл. Корана.

ихъ соотечественниковъ. Чѣмъ ближе онъ знакомился съ библейскими истинами, тѣмъ болѣе укрѣплялась и развивалась въ его духѣ идея религіозной реформы, и наконецъ наполнила собою всѣ его мысли и дала направление всѣмъ его дѣйствіямъ ⁽¹⁾. Эта идея въ основаніи своемъ имѣла твердую увѣренность, что истинная религія должна быть одна и именно та, какую въ чистотѣ и цѣлости хранилъ Авраамъ ⁽²⁾. Авраамъ, по выраженію Корана, не былъ ни іудеемъ, ни язычникомъ, ни христіаниномъ, но его равно всѣ чтили ⁽³⁾. Поэтому вѣра Авраама представлялась Мухаммеду образцемъ религіи Авторитетъ этого патріарха, который въ Коранѣ называется *имамомъ человечества* ⁽⁴⁾, казался Мухаммеду равно обязательнымъ для всѣхъ, какъ для іудеевъ и христіанъ, которыхъ онъ несправедливо подозрѣвалъ въ искаженіи смысла данныхъ имъ писаній, такъ и для самихъ арабовъ, которые считали себя потомками Авраама чрезъ Измаила ⁽⁵⁾ и у которыхъ отчасти, по его мнѣнію, сохранялась Авраамова вѣра въ обрядахъ и нѣкоторыхъ преданіяхъ. Крайнее разногласіе въ предметахъ вѣры, которое Мухаммедъ замѣчалъ въ своихъ современникахъ, убѣдительно говорило ему, что времена пророческія прекратились, что настала новая *фятра* (فترة) ⁽⁶⁾, возобновились дни невѣденія (الجاهلية) объ истинной религіи, что, слѣдовательно, необходимо новая религіозная реформа, потребно явленіе новаго посланника, или пророка, уполномоченнаго

⁽¹⁾ Ср. Миссіонер противомусульм. Сборн. вып. III, стр. 161—176. Прим. Ред.

⁽²⁾ Увѣренность эта сложилась въ головѣ Мухаммеда подъ іудейскимъ вліяніемъ. Ср. Мисс. противомусульм. Сборн. вып. IV, стр. 24—35, Прим. Ред.

⁽³⁾ Коранъ, гл. 3, ст. 60; ср. гл. 16, ст. 124—124.

⁽⁴⁾ Тамже, гл. 2, ст. 118.

⁽⁵⁾ Тамже, гл. 22, ст. 77.

⁽⁶⁾ Тамже, гл. 5, ст. 22.

повелѣніемъ свыше наставить заблуждающихся сыновъ человѣческихъ на истинный путь и исправить богослуженіе Каабы. Мысль о появленіи новаго пророка могла явиться у Мухаммеда отъ знакомства его съ іудеями, и доселѣ ожидающими пришествіе Мессіи. Вѣроятность явленія пророка съ сопровождающею его реформою до такой степени овладѣла духомъ Мухаммеда, что не оставляла его ни при обычныхъ его житейскихъ занятіяхъ, ни среди общественнаго шума. Припадки врожденной эпилепсіи къ концу 30-хъ годовъ его жизни повторялись у него чаще и становились сильнѣе. Поэтому заботы его о торговыхъ дѣлахъ замѣтно ослабѣли; онъ чаще обыкновеннаго началъ удаляться отъ людей, по цѣлымъ мѣсяцамъ проводилъ время въ уединеніи въ пещерѣ горы Хира (حرا), предаваясь тамъ молитвеннымъ размышленіямъ и наблюдая строгій постъ. Столь сильное напряженіе сосредоточной мысли, отразившееся сильнымъ разстройствомъ въ организмѣ Мухаммеда, на 40-мъ году его жизни, разрѣшилось продолжительными экстазами прямо касавшимися его мыслей въ нормальномъ состояніи духа: мнимымъ явленіемъ Архангела Гавріила съ божественнымъ откровеніемъ и увѣреніемъ, что Мухаммедъ и есть истинный посланникъ Божій, избранный для примиренія людей обличеніемъ ихъ лжи и проповѣданіемъ имъ истинной религіи, — возстановленіемъ чистой вѣры праотца Авраама. Продолжительная нерѣшительность Мухаммеда выступить въ качествѣ проповѣдника истины, разсѣяна была вполне преданною ему женою — Хадиджею, ея близкимъ родственникомъ, свѣдущимъ въ Библии, Варакою и особенно вторичнымъ видѣніемъ Архангела. Такія видѣнія и экстазы повторялись съ нимъ въ продолженіи 23 лѣтъ, т. е. до смерти, послѣдовавшей въ 632 г. по Р. Х.

Дѣятельность Мухаммеда въ качествѣ проповѣдника новаго ученія или, по мухаммеданскому выраженію, посланника и пророка Божія, бѣгствомъ его изъ Мекки въ Медину въ 622 г по Р. Х. раздѣляется на двѣ половины. Въ Меккѣ, среди непрерывныхъ и

тяжкихъ притѣсненій, онъ съ настойчивостію обличаетъ грубость язычества, съ поэтическимъ одушевленіемъ проповѣдуетъ вѣру въ единого Бога, Творца и Судію всѣхъ тварей, и старается возбудить грубыхъ своихъ соотечественниковъ къ достойному поклоненію Ему. Все его поведеніе здѣсь соотвѣтствовало его ученію. Неподдѣльность его намѣреній нельзя было заподозрить. Грубымъ и безбожнымъ обманщикомъ, преслѣдующимъ гордыя и корыстолюбивыя цѣли, онъ могъ бы показаться своимъ соотечественникамъ въ томъ случаѣ, когда бы былъ бѣднякомъ или человѣкомъ неизвѣстнымъ и безчестнымъ. Но онъ давно былъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ какъ честный и правдивый человѣкъ, не разъ имѣвшій случай быть полюбовнымъ рѣшителемъ тяжкихъ дѣлъ. Кромѣ того онъ имѣлъ значительное богатство, еще задолго до мнимыхъ откровеній пріобрѣтенное имъ бракомъ съ богатою вдовою Хадиджею. Между тѣмъ, выступая съ новымъ ученіемъ, прямо клонившимся ко вреду существующей религіи, освященной древностію, дорогою памятью отцевъ, — религіи, на которой основывалось высокое значеніе Мекки и его соплеменниковъ-курейшитовъ, онъ вооружалъ противъ себя всѣхъ и чрезъ то ронялъ свое доброе имя и до конца подрывалъ свое благосостояніе, тогда какъ будущее было для него непроницаемой тайной, въ продолженіи цѣлыхъ 13-ти до крайности бѣдственныхъ лѣтъ. Потому самые упорные его противники и враги не могли заклеить его именемъ злодѣя, но видѣли въ немъ преимущественно сумасшедшаго поэта (شاعر مجنون), вреднаго для общества, иногда обыкновеннаго провѣщателя (كاهن), нѣчто въ родѣ шамана, иногда человѣка очарованнаго (مسحور), или чарователя (ساحر). На взглядъ безпристрастнаго человѣка Мухаммедъ представляется человѣкомъ, отрѣшившимся отъ грубаго, слѣпаго, но всегда близкаго сердцу суевѣрія дѣтства, превозмогшимъ силу авторитета отеческаго, съ цѣлю отыскать свѣтлую стезю среди сбивчиваго лабиринта другъ другу противорѣча-

щихъ повѣрій, которыя приводилось ему слышать на каждомъ шагѣ.—Къ этому періоду его мнимопророческой дѣятельности по преимуществу должно относить тѣ мѣста Корана, которыя въ явленіяхъ природы указываютъ всемогущую и премудрую силу Божию, большую часть нравственныхъ поученій и болѣе или менѣе вѣрныхъ разсказовъ о пророкахъ, въ качествѣ историческихъ доказательствъ истины предлагаемаго ученія. Всѣ такія мѣста Корана доказываютъ, что Мухаммедъ былъ отчасти знакомъ съ ученіемъ истиннаго Откровенія Божія, и если онъ не понялъ исполнѣ божественной истины и не подчинился ей, то это произошло отъ того, что онъ былъ неспособенъ отличить истинное ученіе Христ. Церкви ⁽¹⁾ отъ ученій еретическихъ.

Существенная перемѣна въ тонѣ и содержаніи проповѣди Мухаммеда произошла послѣ бѣгства егс изъ Мекки въ Медину, чрезъ 13 лѣтъ послѣ перваго экстаза—видѣнія Архангела Гавріила. Въ Мединѣ совершенно измѣнилось положеніе Мухаммеда. Въ Меккѣ онъ боролся почти исключительно съ грубымъ язычествомъ; въ Мединѣ противъ него возстали іудеи и христіане. Тамъ онъ терпѣлъ униженіе и преслѣдованія; здѣсь онъ противъ всякаго ожиданія сталъ главою сильнаго религіозно-политическаго общества. Тамъ онъ преимущественно изображалъ верховнаго Владыку и Судію всѣхъ тварей, указывалъ вездѣ и во всемъ проявляющуюся премудрость Божию; здѣсь онъ на первомъ планѣ ставилъ свою личность, постоянно твердить о вѣрѣ въ посланника

⁽¹⁾ Съ христіанами, оставшимися вѣрными православному ученію церкви, Мухаммедъ могъ встрѣчаться въ Еменѣ Варварское сожженіе наджранскихъ православныхъ христіанъ іудейскимъ княземъ Дау-Навасомъ, описанное въ житіи пострадавшаго при этомъ св. мученика Аребы или Хариса—24 окт.,—строго порицается въ 85 гл. Корана. Преслѣдовавшее затѣмъ усиленіе православнаго царя Аврамія, или Абраги, при помощи Абиссинцевъ, описывается въ житіи святительствовавшего при немъ св. Григорія Омирискаго, подъ 19 дек. въ Ч. Мин. На сѣверѣ Аравіи были православныя церкви въ Хирѣ и Хассанѣ.

Божія и повиновеніи ему, дѣйствуетъ самъ съ подобными себѣ людьми, хотя подѣ авторитетомъ божественнымъ. Тамъ онъ, полный болѣзненнаго сочувствія къ заблуждающимся, призывалъ къ вѣрѣ людей (یاایہاالناس) и даже джинновъ (یا معشر الجن والانس). во имя самой ихъ природы, созданной для служенія Богу ⁽¹⁾; здѣсь столпившаяся около него обширная партія вѣрующихъ какбы заслоняла собою отъ него остальное человѣчество; онъ обращаетъ свои рѣчи почти исключительно къ нимъ (یاایہاالذین آمنوا), и, кажется, только опасная сила и вліяніе многочисленныхъ іудеевъ и христіанъ, или вообще *Народа писаній*, вынуждали его на внимательность и воззванія къ нимъ (یا اهل الكتاب) или (یا بنی اسرائیل). Въ Меккѣ окружали его немногіе вѣрующіе, по внутреннему расположенію, искренно подчинившіеся силѣ его слова; въ Мединѣ большею частію обращались къ исламу изъ боязни грубой матеріальной силы, присоединились къ его партіи лицемѣрно, — да и самъ онъ становится далеко уже не тѣмъ пламеннымъ энтузіастомъ, который, чувствуя высоту и силу своей идеи, беспощадно поражаетъ безотчетныя и грубыя мнѣнія (ظن بغير علم) окружающихъ его, но значительно понижается къ уровню воззрѣній толпы, съ которою имѣетъ дѣло. Отсюда, вмѣсто сильныхъ, исполненныхъ поэтическаго одушевленій обличеній противъ суетвѣрныхъ язычниковъ, въ мединскихъ главахъ Корана мы находимъ тупую, натянутую, иногда бессильно злобную полемику противъ іудейства и христіанства. Какъ глава и повелитель ввѣрившихся ему людей, Мухаммедъ, предпочтительно предъ поученіемъ чисто нравственными, до утомительныхъ подробностей излагаетъ обрядовую сторону своей религіи, издаетъ постановленія гражданскія, опредѣляетъ отношенія вѣрующихъ къ самому себѣ и между собою и, горькимъ тринадцати-лѣтнимъ опытомъ познавши

(1) Коранъ, гл. 30, ст. 29; гл. 51, ст. 56.

недостаточность одной силы слова для внѣшней безопасности, извлекаетъ мечъ на защиту себя и своихъ, удовлетворяя тѣмъ и глубокому въ арабѣ чувству мести (قصاص ناز). Самая рѣчь его изъ свѣжей и живой переходитъ въ вялую и бездушную прозу, мысли излагаются сухо, а на концѣ стиховъ, для рѣзкости, къ дѣлу и не къ дѣлу повторяются слова: *Богъ всесиленъ и премудръ; Богъ всевидущъ; Богъ всемогущъ, но вы этого не разумѣете*, или: *неужели вы не вразумитесь?* и т. п. Вообще въ положительной сферѣ правителя и законодателя Мухаммедъ становится уже не на соемъ мѣстѣ. Въ его словахъ сердце мало принимаетъ участія; вѣздѣ видна рассчитанная работа холоднаго разсудка; горячее чувство уступаетъ мѣсто холоднымъ, бездушнымъ софизмамъ. Поэтическое чувство вновь загорается почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ съ словами обличенія противъ *лицемѣровъ*. — Въ Меккѣ смѣялись надъ Мухаммедомъ что онъ долго не выдумываетъ новыхъ главъ Корана, но онъ терпѣливо ждалъ минутъ одушевленія и восхищенія (экстаза); въ Мединѣ онъ не задумывается надъ обнародываніемъ новыхъ откровеній; по поводу самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, даже грязныхъ домашнихъ сценъ въ заведенномъ имъ гаремѣ, онъ выдаетъ отъ имени Бога пригодныя распоряженія; совѣты и внушенія другихъ онъ нисколько не затрудняется выдавать за божественныя откровенія. Это уже не тотъ грѣшникъ, который наравнѣ съ другими смертными нуждался въ неослабной помощи Божіей (عصمة), но самоувѣренный, самовластный владыка. Въ Мединѣ между добрыми сторонами его характера весьма замѣтно выступаютъ и слабости его восточной натуры. Всѣ эти обстоятельства невольно наводятъ на подозрѣніе, не вышелъ ли онъ изъ того самообольщенія, которое и при лживости своей бросало на его дѣла отблескъ благочестія, — не заступилъ ли и въ его глазахъ мѣсто посланника Божія обыкновенный властелинъ, движимый мірскими разсчетами, не измѣнилъ ли онъ своему прямодушію единственно изъ желанія кон-

чить начатую роль, за которую онъ столько перестрадалъ?.. Если онъ и дѣйствительно вышелъ изъ состоянія самообольщенія, все-таки же нельзя не согласиться, что онъ дѣйствовалъ не изъ однихъ эгоистическихъ цѣлей, что желаніе людямъ добра побуждало его продолжать однажды взятое на себя дѣло. Его воинскіе триумфы не возбудили въ немъ ни малѣйшей гордости, какъ слѣдовало бы ожидать этого отъ эгоиста. Во время величайшаго своего могущества онъ держался тойже простоты и скромности, какъ и во дни своихъ неудачъ. Далекій отъ того, чтобы окружать себя блескомъ царя, онъ оставался крайне недовольнымъ, ежели, входя въ какой-либо домъ, замѣчалъ необычные знаки подобострастія и благоговѣнія. Если онъ хотѣлъ поставить широкія границы для своего владычества, то это было владычество вѣры. Что касается до возраставшей въ его рукахъ политической силы, то онъ пользовался ею безъ надменности и не сдѣлалъ распоряженія, чтобы верховная власть оставалась наслѣдственной въ его фамиліи. Богатства, которыя текли къ нему путемъ дани и военной добычи, онъ употреблялъ на то, чтобы споспѣшествовать распространенію вѣры и содержать обнищавшихъ приверженцевъ ея, такъ что въ его казнѣ часто не было копѣйки. Омаръ-ибну-ль-Харисъ говорить, что Мухаммедъ, по смерти своей, не оставилъ ни динара, ни диргема, ни раба, ни рабыни, ни чего-либо другаго, кромѣ стараго мула *Далъ-далъ* (подареннаго ему правителемъ Египта), оружія и лука, которые онъ завѣщалъ своимъ женамъ, ближайшимъ потомкамъ и бѣднымъ. Богъ, говоритъ другой арабскій писатель, далъ ему ключи отъ всѣхъ сокровищъ земли, но онъ отказался взять эти сокровища.....

2) КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ИСТОРИИ ТѢЛСТА КОРАНА.

Предварительныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Мухаммеда необходимо имѣть въ виду желающему ознакомиться съ содержаниемъ и характеромъ Корана. Они